

«Все куплю», — сказало золото

Неделя, — 1991, — 4-10 февр. (№ 6), — с. 7.

Это строчка из афористического четверостишия 1827 года, которое представляет собой вольный перевод французского стихотворения, опубликованного в Париже в двух разных изданиях в 1816 и 1818 годах. Полностью оно читается у Пушкина так:

«Всё мое», — сказало злато;
«Всё мое», — сказал булат.
«Всё куплю», — сказало злато;
«Всё возьму», — сказал булат.

В пушкинском четверостишии можно видеть сжатое до предела художественное выражение центральной общественной проблемы позднего средневековья и нового времени — проблемы перехода от феодализма к капитализму и связанной с этим ломки общественных отношений и моральных норм. Если в Западной Европе названная проблема была бесповоротно решена ко времени Пушкина, то в России она лишь вставала во всей своей остроте и значимости. Четверостишие предвосхищает «рыцарские» произведения Пушкина — маленькую трагедию «Скупой рыцарь» и незавершенные «Сцены из рыцарских времен».

Сама тема золота и булата возникает в «Скупом рыцаре». Старый барон Филипп, главное действующее лицо трагедии, говорит: «При мне мой меч: за злато отвечает честной булат...». На этот раз старые знакомые выступают в ролях сокровища и его стража. В более «цивилизованные» времена золото барона лежало бы в банке, да к тому же было бы пущено банком в оборот, и барону не было бы никакой необходимости оберегать его вооруженной рукой.

Мир «Скупого рыцаря» — старый феодальный мир сюзеренов и вассалов, рыцарских турниров и прекрасных дам. И этот мир рисуется немногими мощными штрихами. Но содержание «Скупого рыцаря» бесконечно богаче: на небольшом драматургическом пространстве трагедия о власти денег и чудовищной патологии накопительства становится трагедией могучих страстей и ярких характеров.

Сущность капитала состоит в том, что он должен постоянно пребывать в движении. Только таким путем может он реализовать свою сущность, которая заключается в том, чтобы приносить доход в виде прибыли или процента. Любый капиталист (ростовщик, банкир) стремится к тому, чтобы его денежный капитал все время находился в движении и как можно быстрее оборачивался. Между тем барон поступает прямо противоположным образом: он наполняет свои сундуки золотом для того, чтобы никогда его оттуда не выпускать. Всыпая горсть золотых монет в еще не полный сундук, он говорит, обращаясь к деньгам:

Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека.
Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небесах...

Свой монолог барон произносит наедине с собой, ему незачем лукавить: сундук действитель-

но представляется ему конечным предназначением золота. Это вовсе не похоже на кассу ростовщика-капиталиста, которая по самому характеру его операций должна постоянно наполняться и опорожняться. Нет, барон — принципиальный припрятыватель денег, выражаясь современным специальным языком — тезавратор. Ничего более невыгодного и бессмысленного не может сделать банкир с деньгами...

Это может показаться странным на первый взгляд, но расточительство Альбера было бы полезно для экономического развития, для роста производительных сил, тогда как накопительство барона мешает ему. Одним из важнейших условий раннего развития капитализма было так называемое первоначальное накопление — образование денежных капиталов в руках предприимчивых купцов и промышленников. Склонности и намерения Альбера предвещают, что его действия после смерти отца будут способствовать именно этому процессу, потому что он будет тратить деньги на богатые одежды, изысканную пищу, вина, на обновление обветшавшего баронского замка, вероятно, и на пышную свадьбу. Мертвые сокровища будут превращаться в чей-то живой капитал.

Личная трагедия барона состоит в том, что он подозревает единственного сына и наследника в намерении убить или обокрасть его. Социально-историческая трагедия заключается в том, что он живет между двумя эпохами и не находит себе места ни в одной из них. Он уже стоит на пороге эпохи всевластия денег, но не знает, как извлечь «естественную» для нового времени выгоду из этого всевластия. Сам конфликт отца с сыном происходит из-за денег и носит отпечаток новой эпохи.

Драматический жанр привлекал Пушкина в последние годы жизни. От 1834—1835 годов осталось несколько фрагментов и планов, среди которых выделяется написанная приблизительно до половины драма «Сцены из рыцарских времен».

В драме Пушкина капитал уже с успехом противостоит мечу феодалов: отец Франца Мартын твердо уверен в прочности своего положения и с презрением относится к обедневшим дворянам. Но нетерпеливый и пылкий Франц не хочет ждать и надеется на то, что деньги отца когда-нибудь сделают его равным феодалам: «Деньги! кабы знал он, как рыцари презирают нас, несмотря на наши деньги...». Словесные переродки остаются непреодолимыми. Буржуазия, при всем своем богатстве, вынуждена знать свое место.

Посмотрим еще раз заверченный текст. В нем есть комический эпизод — разговор между монахом Бертольдом и богатым бюргером Мартыном о деньгах. Бертольд приходит к нему за ссудой. Деньги ему нужны, чтобы решить главную задачу алхимиков — искусственное производство золота.

Бертольд, вроде бы ученый не от мира сего,

находит единственно верный путь к карману Мартына: он пугает его кредитором-конкурентом. Алхимик грозит открыть тайну золота этому конкуренту. В обмене короткими репликами видна вся суть обих действующих лиц:

«Бертольд. Золота мне не нужно, я ищу одной истины.

Мартын. А мне черт ли в истине, мне нужно золото».

Мартын сдаётся и выкладывает еще полтора-ста гульденов на предприятие, которое в случае успеха обещает гигантские дивиденды. Звучит последний комический аккорд этой сцены. Мартын спрашивает алхимика, будет ли наконец спокойно наслаждаться жизнью, когда у него будет вдоволь и золота и славы. Но Бертольд, к негоднованию мещанина, заявляет, что тогда он займется созданием вечного двигателя.

Мы видим, что рядом с мещанами, все считающимися на деньги, существуют люди совсем другого сорта, для которых бесконечное познание природы дороже золота. Бертольд вынужден обращаться к буржуа за деньгами для своих исследований и делает это без зазрения совести потому, что считает эти ссуды своего рода налогом на богатей, который он взимает для общественного блага. Но свой мозг, свою творческую свободу он за золото не продает, о нет!

Пушкинский зал

В дни, когда отмечается годовщина смерти А. С. Пушкина, мы решили взглянуть на его творчество в неожиданном аспекте, возможно, наиболее актуальном в наши дни. Приводим фрагменты книги Андрея АНИКИНА «Муза и мафона», в которой великий поэт предстает перед нами еще и как серьезный знаток экономических теорий своего времени.

